

УДК 94(47).084

«AVE, REVOLUTIO»: СУДЬБА МАКСИМА БЕРДЯГИНА – ЭСЕРА, ПОЭТА, САМОУБИЙЦЫ

А. А. Голосеева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
E-mail: goloseyeva@gmail.com

Настоящая статья посвящена одному трагическому событию из истории российского революционного движения начала XX в.: самоубийству в Бутырской тюрьме члена партии социалистов-революционеров террориста М. В. Бибилова. О герое данного события нет упоминаний в исторической литературе. Между тем в свое время оно сильно взволновало российскую общественность. На основании обнаруженных в архиве материалов, периодики тех лет и мемуарных источников впервые воспроизводится канва трагических событий, разыгравшихся в Бутырской тюрьме 100 лет назад. В статье также публикуются ранее не издававшиеся стихи Бибилова, писавшего под псевдонимом Эмбь, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ключевые слова: Фрумкина и Бердягин, Максим Бердягин, Эмбь, Фрума Фрумкина, эсеры, партия социалистов-революционеров, терроризм, Бутырская тюрьма.

«Ave, Revolutio»: the Fate of Maxim Berdyagin – SRs, Poet, Suicider

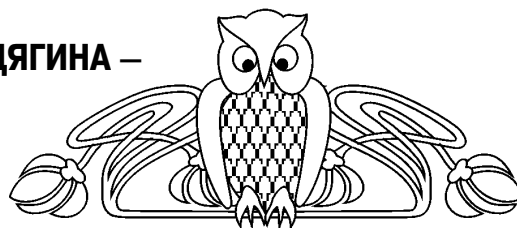
A. A. Goloseyeva

The present article deals with a tragic event in the history of the Russian revolutionary movement of the early twentieth century: the suicide of the Socialist Revolutionary Party member, the terrorist M. V. Bibikov in Butyrskaya prison. There is no mention about the participant of the event in historical literature. Meanwhile, during a certain period of time it greatly disturbed the Russian public. Based on the discovered archival materials, periodicals and memoirs of those years, the outline of the tragic events that flared in Butyrskaya prison 100 years ago is reestablished for the first time. The article also presents previously unpublished poems of M. V. Bibikov (who wrote under the pseudonym «Emb») stored in the State Archive of the Russian Federation.

Key words: Frumkina and Berdyagin, Maxim Berdyagin, Emb, Fruma Frumkina, SRs, Socialist-Revolutionaries, terrorism, Butyrskaya prison.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41

Работая в Государственном архиве Российской Федерации и разбирая документы, связанные с жизнью и деятельностью Виктора Михайловича Чернова, мы обнаружили в одном деле несколько стихотворений и поэм, частично подписанных псевдонимом Эмбь с указанием точной даты написания¹. Почерк знакомый – В. Чернова. Но такого псевдонима у него, судя по сведениям А. П. Новикова и О. В. Коноваловой, не было². В попытках выяснить, кому принадлежит этот псевдоним, мы обратились к «Словарю» Масанова и там обнаружили, что такой был у Максима Бердягина, эсера, поэта, приговорённого к смертной казни в 1907 году³.

Его псевдоним указан и в именном указателе журнала «Каторга и ссылка» за 1921–1925 годы⁴.

Если со стихами, подписанными псевдонимом «Эмбь», мы более или менее разобрались, то остальные тексты – поэмы о событиях, происходивших в Италии и Чехии, – требуют ещё дополнительного изучения: в них очень много исправлений и комментариев, сделанных рукой Виктора Михайловича Чернова. Кроме того, ни словарный фонд, ни содержание, ни орфография и особенно пунктуация не соответствуют стихам Бердягина, что позволяет сделать вывод: автор их явно не Эмбь. Возможно, эти стихотворения и поэмы принадлежат самому В. Чернову.

О Максиме Бердягине есть довольно много упоминаний у современников вместе с Фрумой Мордуховной Фрумкиной, также эсеркой, членом боевой организации, совершившей ряд покушений на разных должностных лиц. В 1902 г. в Минске она готовила покушение на жандармского полковника Соленко, в 1903 г. в Киеве – на начальника жандармского управления Новицкого⁵, в 1907 г. – на московского градоначальника А. А. Рейнбота, за что была в очередной раз арестована и помещена в Бутырскую тюрьму⁶.

На современников сильно подействовала последняя акция, которая была спланирована ими совместно по переписке уже в тюрьме: Фрумкина, сумев добыть браунинг, стреляла в помощника начальника Бутырской тюрьмы по женской части Багрецова и ранила его в руку. В свою очередь, Максим Бердягин напал на помощника начальника Бутырской тюрьмы по каторжному отделению, коллежского регистратора Северина, и нанес ему два ранения в шею кинжалом, смазанным цианистым калием⁷. И Фрумкина, и Бердягин объясняли свои действия тем, что это был протест против нечеловеческих условий содержания политзаключённых в российских тюрьмах.

Так как оба покушения были совершены вскоре после введения Столыпиным более суровых наказаний за терроризм, то обоих эсеров предали военно-полевому суду, приговорившему их к смертной казни, хотя жертвы не получили смертельных ранений. Ф. Фрумкина стала второй женщиной после Софьи Перовской, казненной в России через повешение по политическому обвинению.

Чтобы не попасть в руки палача, Бердягин покончил жизнь самоубийством, причем очень

сложным и мучительным способом. Слухи о его поступке дошли до многих находившихся в ссылках и на каторге политзаключённых. Один из них, А. Скульский, вспоминал: «Уже будучи в Сибири, мы узнали, что тов. Бердягин ранил ножом в горло помощника, за что был предан военно-окружному суду, но до разбора дела сам себя зарезал»⁸. До Сибири обстоятельства дела дошли не совсем точные.

В своих воспоминаниях Вера Николаевна Фигнер сообщала, что в начале 1908 г. она жила в семье В. М. Чернова в г. Выборге, на территории тогдашнего Великого княжества Финляндского. Через некоторое время после казни Ф. Фрумкиной и смерти М. Бердягина известная деятельница народнического движения А. П. Корба «...прислала в “Организационное бюро” папку с документами по её делу, с её письмами и статьями. Тут же были документы по делу приговорённого к смертной казни Бердягина, его письма и стихотворения... Документы по этому трагическому делу член “Организационного бюро” Г. К. Ульянов привёз в Выборг на квартиру Чернова»⁹.

И А. П. Корба, и Г. К. Ульянов считали, что эти документы заслуживали опубликования. Виктор Михайлович передал папку с документами Фигнер: она должна была определить их ценность и, если сочтёт нужным, подготовить к публикации и написать предисловие. Она принялась за чтение. «Содержание того, что я читала, совершенно увлекло меня – в них всё было трагично и красиво. Это были действительно замечательные человеческие документы. Я расположила их в порядке, необходимом для печати; из стихотворений Бердягина взяла только четыре [«Серые люди, угрюмые стены», 11 марта 1907 г., «Пускай закован в цепи я», 19 марта 1907 г., «В наше время легко умирать!», 12 июня 1907 г. и «Братья, братья, неужели...», без даты. – А. Г.], потому что остальные были очень плохи: Бердягин совершенно был лишён поэтического дарования»¹⁰. В разделе будущей книги, посвящённом Ф. Фрумкиной, Вера Фигнер также поместила стихотворение М. Бердягина «На смерть Ф. Фрумкиной», написанное 28 июня 1907 г. и состоявшее из 16 строк. Вот его начало: «Ещё одна жертва великой борьбы / За долю и счастье народа!...»¹¹ Следует отметить, что в числе стихотворений, переписанных рукой Чернова, тех, что опубликовала В. Фигнер, не было.

Надо сказать, что критика Веры Николаевны стихов Бердягина была в общем справедлива. Эстетическая ценность этих произведений не высока: рифмы чересчур просты и содержание не лишено банальности. Конечно, Бердягин не обладал большим поэтическим дарованием, однако вряд ли он претендовал на это. Его стихи – скорее, своего рода революционная публицистика. В них отражены ясная гражданская и политическая позиции того революционного круга, к которому он принадлежал. Это политический манифест, выра-

женный в стихотворной форме и приобретающий из-за этого более сильный эмоциональный эффект. Не зря эти стихи заинтересовали В. Чернова, и он переписал их: как известно, Виктор Михайлович прекрасно разбирался в поэзии и сам был талантливым переводчиком.

Итак, В. Фигнер была подготовлена небольшая книга «Памяти Фрумкиной и Бердягина. 11 июля – 13 июля 1907 г.». Она написала к ней предисловие и издала за свой счёт в количестве 1 тысячи экземпляров. Брошюра не осталась незамеченной. В. Фигнер вспоминала, что брошюра вскоре стала библиографической редкостью, и ей пришлось собственный экземпляр пожертвовать в библиотеку Музея революции¹².

Большая часть брошюры была посвящена Фруме Фрумкиной. И это не случайно. Прежде всего, она была более видным участником революционного движения. Кроме того, на процессе Фрумкина произнесла две страстные речи, которые произвели большое впечатление на публику и получили широкое распространение. Первая ее речь была посвящена бесчеловечным правилам содержания заключённых, целью которых было унижить и сломить их волю. Со скамьи подсудимых она обличала зверства тюремных администраций, приводила конкретные примеры из тюремного опыта своих товарищей, которые подвергались избиениям и бросались в карцер за малейшую провинность или попытку отстоять свои права, лишались времени на элементарную гигиену и т. п. Упомянула она и приказы с благодарностью часовым за убийство политзаключённых, регулярные, хотя и не всегда успешные, попытки натравить уголовников на политических¹³. В последнем письме Фрумкиной были такие строки: «Безграничные муки политических каторжан в Московской пересыльной тюрьме и непрерывные глумления над ними вызвали наши покушения: моё и Бердягина»¹⁴.

Во второй речи на суде она затрагивала и более общие вопросы, объяснила мотивы своего участия в террористической деятельности и поведала о программе эсеровской партии¹⁵. В. Фигнер также опубликовала статьи и письма, которые писала Фрумкина в тюрьме. В письмах к товарищам поражают её спокойствие, мужество и выдержка. Последние ее мысли были только о партии: «Мое предсмертное желание, чтобы П. С.-Р. снова вызывала гордость и преклонение всех людей и привлекала по-прежнему в свои ряды всех чистых и светлых борцов, все лучшие силы, чтобы самодержавие снова почувствовало в ней грозного и могучего врага, чтобы народ снова почувствовал в ней свою руководительницу, печальницу и заступницу»¹⁶.

Совсем по-другому вёл себя на процессе Бердягин. Он отказывался отвечать на вопросы председателя суда, потребовал, чтобы его самого удалили из зала заседания, не стал произносить последнего слова. Вместе с ним

удалились и его адвокаты. Бердягин заявлял, что не считает данный суд для себя законным, поэтому не хочет присутствовать на его заседаниях. Даже приговор был объявлен в его отсутствие в зале суда. Поэтому суд проходил чисто формально, и всё было решено в течение часа. В это время Бердягин в другом помещении оживлённо беседовал со своими адвокатами, обсуждая какие-то вопросы.

В качестве иллюстрации мы приводим стенограмму данного судебного заседания: «Судебное заседание Московского Военно-окружного суда было открыто 12 июля в 2 ч. 15 м. дня. Председательствовал военный судья ген.-майор Фишер...

Председатель: Обвиняемый, объявите суду Ваше имя.

Бердягин: На что вам мое имя – вам нужны шеи, а не имена.

Председатель: Я спрашиваю Вас, кто Вы такой?

Бердягин: Я социалист-революционер, но заявляю, что вообще каждый честный и порядочный человек независимо от своих политических убеждений, независимо от того или другого отношения к террору на моем месте поступил бы также.

Председатель (прерывая Бердягина): Настоящее дело слушается при закрытых дверях, удалите публику. (По удалении публики, обращаясь к Бердягину). По обязанности председателя я должен задать Вам ряд вопросов... Желаете ли Вы отвечать на них?

Бердягин: Из моего дальнейшего заявления вы увидите, желаю ли я отвечать – я требую моего удаления из залы заседания, так как не желаю не только защищаться, но даже и своим присутствием как бы санкционировать ваш так называемый суд, являющийся в действительности лишь органом мести и кровавой расправы самодержавного правительства со своими врагами – борцами за народное счастье.

По распоряжению Председателя вводят помощника тюрьмы Северина, который удостоверяет личность Бердягина.

Бердягин (сидя, перебивает Северина). Я требую, чтобы меня немедленно удалили из залы заседания, с холопами и палачами не желаю я разговаривать.

Поднимается шум.

Председатель (кричит конвойным). Удалите его из залы заседания.

Конвой, не поняв распоряжения, смотрит...

Бердягин (кричит): Холопы, я требую моего удаления!

Председатель (бледный, тоже кричит): «Конвойные! Уведите его, или мне десять раз повторять?...» Бердягина поспешно уводят. Защитники требуют слова и, заявив протест против незаконного закрытия дверей, объявляют, что и они не находят возможным оставаться долее в зале заседания ввиду вполне определенного отношения Бердягина к суду и судьям.

После удаления защиты, процесс протекает очень быстро: в полчаса заканчиваются все формальности: чтение обвинительного акта, привод свидетелей к присяге, самый допрос, речь обвинителя, и уже в 3 ч. 15 м. суд удаляется на совещание, а в 3 ч. 45 м. выносится приговор...»¹⁷

После оглашения приговора Бердягин был переведён в подвальную, тёмную и сырую камеру Таганской тюрьмы под охрану сразу трёх тюремщиков. Там он написал 5 июля 1907 г. письмо «К обществу (вместо речи на суде)»¹⁸, в котором многое объяснил. Он подробно описал жизнь каторжников в Бутырской тюрьме, рассказал о тех издевательствах, которые они ежедневно терпели от тюремной администрации. М. Бердягин вспомнил о многочисленных попытках заключённых отстаивать свои права и их безрезультативности, игнорировании жалоб. После покушения Фрумкиной он предупредил Северина, что и с ним может случиться то же, если он не изменит своего отношения к заключённым. Но тот не внял предупреждению. Бердягин пришёл к выводу, что нельзя оставлять безнаказанными палачей, им надо мстить. За 5 дней до казни Фрумкиной он и пытался осуществить месть, напав на Северина¹⁹.

Как только 11 июля 1907 г. был приведён в исполнение приговор в отношении Фрумкиной, стало ясно, что наступил черёд Бердягина. 12 июля состоялся процесс над ним. Сразу же после вынесения смертного приговора Максим окончательно решил, что он не позволит палачу коснуться его, что он сам лишит себя жизни. Это оказалось сделать не так просто. В ночь на 13 июля 1907 г. он предпринял первую попытку самоубийства, но она окончилась неудачно: принял слишком большую дозу морфия, началась рвота. Почти сразу он предпринял вторую попытку: пытался проткнуть иголкой мозжечок, нанёс себе ряд глубоких уколов, но не попал. Тогда Бердягин сделал третью попытку: он заранее обломал черенок у чайной ложки, обточил его об кандалы и начал наносить удары в грудь, стремясь добраться до сердца. Но черенок гнулся и пробить рёбра не удалось. Наступил рассвет, и Максим прекратил свои попытки. Никто не услышал от него ни единого звука²⁰.

Прошёл ещё один день. Дождавшись позднего вечера, Бердягин разыскал длинный гвоздь, лег на него на кровати, накрывшись одеялом и пронзив кожу и ребра, добрался до сердца. Полученное ранение, по мнению врачей, должно было привести к смерти через 30–40 минут, но Максим нашёл в себе силы вынуть гвоздь, спрятать его, а затем дважды черенком ложки перерезал сонную артерию. Началась агония, и только тогда надзиратели заметили что-то, ворвались в камеру, но было уже поздно²¹. Это было страшным потрясением для всей тюрьмы. Таким способом Максим Бердягин доказал свою неподсудность царскому суду.

Как оказалось, Максим Бердягин не было его настоящими именем и фамилией. Принятый

судом документ носил такое название «Обвинительный акт по делу о неизвестном, именуемом себя мещанином Максимом Владимировичем Бердягиным»²². Настоящим было только отчество. Дальнейшие расследования позволили установить, что на самом деле это был Михаил Владимирович Бибииков (1878–1907)²³, купеческий сын из небольшого уездного городка, который несколько лет помогал братьям в торговом деле, а затем в начале 1900-х гг. уехал в Москву, чтобы сдать экзамены за гимназию и поступить в Московский университет, но сразу в 1903 г. окупился в революционное движение.

Уже в июле 1903 г. последовал его первый арест за попытку создать подпольную типографию. Отсутствие улик не помешало приговорить Бердягина к административной ссылке в Архангельскую губернию на 5 лет. Но по дороге он бежал на юг России, в 1904 г. вновь был арестован в Одессе и приговорён к ссылке в Колу. Вскоре он бежал из Колы, через Норвегию, Швецию и Финляндию вернулся в Москву, начал активно действовать как пропагандист Крестьянского союза, а затем вступил в ряды ПСР, занявшись боевой деятельностью. Вновь тюрьма, приговор к каторжным работам и долгое пребывание в пересыльном отделении Бутырской тюрьмы. Всё это нашло отражение в его поэтическом творчестве. Это был, как писала в своём очерке В. Фигнер, человек железной воли и очень сильный физически²⁴. Следует отметить, что ни следствие, ни суд не установили подлинную личность подсудимого, и во всех документах он значился как Максим Бердягин. В. Фигнер считала, что Бибииков не хотел, чтобы о его судьбе знали родители, которых он очень любил²⁵.

С исторической дистанции многое видится иначе, чем современникам событий. В случае с эсерами – Фрумкиной и Бердягиным – эта истина особенно наглядна. Сегодня мы с некоторым недоумением читаем про смерть Максима Бердягина, а в 1907 г. русское общество было потрясено и взволновано.

Брошюра произвела огромное впечатление на российскую общественность, её упоминали газеты и журналы того времени. Её читал Лев Толстой. По воспоминаниям доктора Д. Маковицкого, нашедшим отражение в его «Яснополянских записках», 11 мая 1908 г. у них состоялся разговор об общине. Толстой говорил, что община, несомненно, имеет недостатки, но «она – оправдание перед людьми»²⁶. А вечером «Л. Н. пересматривал книгу, изданную в память повешенной Фрумкиной и Бердягина (убил себя в тюрьме). Прочел вслух о цели социалистов-революционеров: освободить 130 миллионов русских от абсолютистского ига и потом работать на осуществление свободной жизни. Л. Н.: Ребятство – И отложил книгу»²⁷. Таким образом, Лев Николаевич имел эту брошюру и, как видно, даже не раз перечитывал, хотя и не верил в возможность практической реализации планов партии эсеров.

На трагическую гибель двух неудачливых террористов живо откликнулись и тогдашние «лидеры общественного мнения»: Мережковский, Философов, Розанов.

Д. С. Мережковский посвятил большую статью «Бес или Бог?»²⁸ размышлениям, охватившим его после прочтения «Памяти Фрумкиной и Бердягина». «Цена этой книги – две человеческих жизни, – писал Дмитрий Сергеевич, – стоит прочесть и задуматься; может быть, и о революционной “бесовщине” кое-что узнаем»²⁹. И далее, описывая то, что сделал с собой Бердягин, Мережковский рассуждал: «Что это такое? Как это осудить или оправдать? Кровь стынет в жилах, язык немеет от ужаса. Мы даже не можем представить себе, что он испытывал, когда снимал с себя кандалы, “чтобы умереть свободным”. Во всяком случае, “бесовское” или “божеское”, но это нездешнее, не человеческое, не эмпирическое, даже не метафизическое, а религиозное»³⁰. Заканчивая свои раздумья над книгой «Памяти Фрумкиной и Бердягина», Дмитрий Сергеевич приводил строки из предсмертного письма Максима Бердягина: «Настанет время, когда любовь и разум проникнут в жизнь человека, и мир представит единую братскую семью... Этот рай омывается не Тигром и Ефратом, а истиной и справедливостью... Я счастлив, умирая... Ave, Revolutio, morituri te salutant!» И далее Мережковский писал: «И в неумелых стихах его слышится детскость молитвы: – В наше время легко умирать... / Уж идёт золотая весна... / И готов хоть две жизни отдать / За святой идеал впереди. Этот “святой идеал”, эта “золотая весна” этот “рай, омываемый истиной и справедливостью”, – размышлял автор рассматриваемой статьи, – “не тысячелетнее ли царство”, не “новое ли небо и новая земля” Апокалипсиса?»³¹.

Фактически многие представители тогдашнего российского общества воспринимали эти события как акт религиозно-мистической драмы. По меткому выражению теоретика мистического анархизма Георгия Чулкова, происходило «сораспятие миру». Религиозно-экстатическая правда интеллигенции, обожествлявших борцов с царским режимом, противостояла темной, сектантской мистике «распутиновщины» и казенному черносотенству. То, что в наши дни мы оцениваем сугубо как террористический акт, в начале XX в. прогрессивная публика славилась как акт революционного очищения. В контексте столь сильных эмоциональных переживаний казнь Фрумкиной и самоубийство Бердягина считались сакральной жертвой, принесенной русским обществом на алтарь чаемой и взыскиваемой революции.

Ужасы катастрофы 1917 г. были еще впереди, и мыслящие граждане смотрели в будущее с надеждой и верой в торжество социальных идеалов, защитниками которых считались тогдашние бунтари, прежде всего, социалисты-революционеры.

Единомышленник Мережковского Д. В. Философов также вспоминал о книге «Памяти Фрумкиной и Бердягина» в связи с прочтением опубликованного в 5-м альманахе «Шиповника» «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева³². «В брошюре, – писал Дмитрий Владимирович, кроме маленького предисловия, нет никакой “литературы”. Только факты, документы. Про Андреева Лев Толстой сказал: “Он меня пугает, а мне не страшно”. Брошюра, посвященная Фрумкиной и Бердягину, – не пугает. В ней нет выдуманных ужасов. Но она больше, чем пугает»³³. А далее Философов, разбирая рассказ Андреева, отмечал, что он такой же достоверный, как брошюра, и написать так мог только Леонид Николаевич³⁴.

Совсем иначе воспринимал трагедию в Бутырской тюрьме В. В. Розанов, оппонент «революционных христиан». Приводя те же строчки из предсмертного письма Бердягина и из его стихов, что и Мережковский, он писал: «Так, мешая стихи и прозу, сказал свой идеал социал-революционер. Это было в 1907 г., в июле месяце. Видно пламя, но где имя, образ? К кому идеал отнесен и кого [курсив Розанова. – А. Г.], в сущности, он связывает? Вместо того, чтобы петь о рае, “омываемом справедливостью и разумом”, лучше бы он показал хоть кошку, которую накормил, собаку, которую погладил рукой. Тогда бы я видел, что за человек, и, может быть, пожал бы ему руку»³⁵. Описывая далее самоубийство Бердягина, Розанов делал вывод: «Спрашивается, сколько надо иметь злобы в душе, чтобы совершить все эти манипуляции для доставления себе единственного торжества – принять смерть не от рук официального суда?.. такой беспримерной злобы, о таком напряжении злобы не читается ни в одной всемирной хронике»³⁶. Как следует из заключительных строк статьи, Розанов написал её в полемике с Мережковским. И если Дмитрий Сергеевич сомневался, что это «бесовское» или «божеское»? то Василий Васильевич утверждал, что это «бесовское», хлебнувшее от черных вод Стикса.

Итак, на фоне множества драматических событий XX в. старая эта драма давно потеряла эмоциональную остроту и забыта потомками. Такова историческая реальность: одним уготована долгая память и слава, другие же, как героини нашей статьи, затерялись на пожелтевших от времени страницах периодики прошлых лет.

Однако, в судьбе Максима Бердягина (Эмба) отразились многие черты жизненного пути российских революционеров начала XX века. Только конец, выбранный им, был сугубо индивидуален и сделал его трагической фигурой.

Впрочем, дело Фрумкиной и Бердягина представляет для нас не только исторический интерес. Страстная вера в справедливость и в недопустимость унижения человеческого достоинства – эти темы вечны и актуальны для любой эпохи. В этом смысле дела давно минувших дней русского революционного движения сохраняют для нас свежесть и актуальность.

Как писала в одном из своих последних писем Ф. Фрумкина: «Главное же: всякое глумление над человеческим достоинством должно вызвать отпор помимо каких бы то ни было рассуждений...»³⁷

В заключение приведём несколько стихотворений Бердягина, которые мы обнаружили в ГА РФ и которые не были опубликованы. Надо отметить, что, кроме брошюры, изданной В. Фигнер, одно стихотворение Максима Бердягина из неё «Братья, братья, неужели...» было опубликовано в 1921 г. в журнале «Каторга и ссылка»³⁸.

Нам представляется, что наивные стихи Михаила Владимировича Бибикина позволяют судить о том, как изменялось мировоззрение человека, попавшего в революционную среду, какие чувства он переживал, находясь в рядах революционной партии, пребывая в тюрьме и ссылке³⁹.

Вторая воля (отрывок)

1.
 Государь! Тяжело на Руси мужику
 Взмокли потом родимые нивы!
 Поприслушайся к песне – вложил всю тоску
 Он в родные души переливы.
 Он пригнулся к земле под ярмом податей
 От тяжёлой работы хиреет
 Терпеливо стоит под ударом плетей
 И во тьме суевья коснеет
 И забава его и дика, и грязна –
 Драка с пьянством – одно развлечение...
 Повели, государь, просветить мужика
 И увидишь Земли возрождение!
 Повели просветить тёмный русский народ
 И страна сбросит бремя страданья
 Жадной грудью в себя эту силу вздохнет
 И окрепнет под светом познания!

2.
 Эку чушь напорол – просветить мужика!
 Он, мол, тёмен и грязен и дик!
 Уж кому бы другому, а мне не рука –
 Мне такой-то и нужен мужик!
 Просвети-ка его и увидит он то,
 Что он кормит меня и дворян
 И попов и купцов ни за что, ни про что
 И что власть моя – церкви обман...

Это стихотворение написано 4 августа 1902 г., то есть еще до того, как Максим Бердягин вступил в ряды революционного движения. Ясно видно, что он уже тогда был полон демократических взглядов, мечтал о массовом антицарском движении с вовлечением в него крестьян.

Менее чем через год он уже в революционном движении и был в первый раз арестован, оказался в тюрьме, описав свои впечатления о ней в следующем стихотворении (9 июня 1903 г.):

В тюрьме

В синем небе над душной тюрьмою...
 Не хотел бы я быть вольной тучей
 Иль беспечной, весёлою птицей –

*Им закон в небе ветер летучий
Гонит он их шутя вереницей
Куда хочет: над пышиной светлицей,
Над лачугой, над душной темницей, –
Куда хочет, свободный, могучий...
Я б хотел быть тем ветром свободным,
Не затем чтоб гонять птиц и тучи,
Не затем чтоб ломать лес дремучий,
А чтоб в мире крестьянском, голодном
Семена сеять правды живучей,
Правды чистой, святой, благородной...
Я б все слезы, пролитые горем,
Ницетой, униженьем, бедою,
Беспросветной народной нуждою –
Всё собрал бы бушующим морем
И всех тех, кто причиной их был
С наслаждением в нём утопил!..*

Бердягин вступил в ряды партии эсеров, он среди единомышленников, что придаёт ему силы и бодрость духа, уверенность в грядущей победе (4 июля 1904 г.):

*Мы идём. Наша рать невеликая
С каждым часом растёт и растёт
Всё мрачней против нас злоба дикая
Свой конец прозревая встаёт...
Нас ссылают, пытаются и мучают,
Нам грозит и петля и расстрел,
Наше тело всё сплошь рана жгучая,
Но, как прежде, дух крепок и смел!
Зачались мы от горя народного,
Породила нас голь-нищета,
Повивала нас скорбь неисходная
И качала в беде темнота.
Нас омыла в слезах неизбежная
Лиходейка – злосчастье-нужда,
Пела песни чудесные, дивные
Нам святая к неправде вражда;
Совесть на ноги всех нас поставила
Обострила и зреньё и слух,
Сердце биться живее заставила,
Окрылила надеждою дух;
Гибель братьев, житьё их голодное,
Их страданья нам душу зажгли
Царство равенства, братства, свободное
Указал властно разум вдали;
Нас сплотила в ряды вера жаркая,
Опыт битвы оружие нам дал,
Оросила нас кровь братьев яркая,
Путь вперёд озарил идеал.
Мы идём... Бури ветром колышется
Наше знамя, его держит честь,
И далёко повсюду услышится
Громкий клич наш воинственный: «мечь!».*

Недолго был Бердягин на свободе, он снова арестован, судим и приговорён к ссылке. Об этом стихотворение «Проклятие ссылке. (За три дня до побега из Колы)», датированное 17 июня 1905 г.:

*... Единственный путь прегражден
Насильем слепым произвола...
Да крепко я здесь пригвождён...
О, будь же ты проклята, Кола!
А там на отчизне кипит
Решительный бой и упорный,
Там каждый шаг кровью добыт
В борьбе с произволом позорным,
Там каждый борец на счету,
Там каждое ценно усилие,
Там гибнут на славном посту...
Ах если бы крылья да крылья!..
Но близится день золотой
Порву я несносные путы
И снова к работе святой
Помчусь не теряя минуты,
И снова душа оживёт
В борьбе против гнёта престола...
Хоть сгинем, товарищ, вперёд!
Будь трижды ты проклята, Кола!*

Бердягин совершил побег с Колы. Через Норвегию, Швецию и Финляндию он вернулся в Россию, оказался снова в Москве, в гуще революционных событий 1905 г. Вот его реакция на царский Манифест о созыве Булыгинской думы (написано 24 августа 1905 г.):

После 6-го августа (отрывок)

*... Что ж от Думы нам ждать,
коль не в силах она
Облегчить нашу горькую долю!
Беспощадной борьбой лишь добудет страна
Свое право, и землю и волю!
Надо нам учредить, чтоб готовыми быть
По деревням крестьянские братства,
Чтоб собравшихся с силой свободу добыть. –
Наша мощь в них, всё наше богатство!
Когда дружно по всем, по селам-деревням
В час один встанем крепкою силой –
Этот час для царя, для пиявок-дворян
Будет тёмною вечной могилой,
А для нас лишь тогда загорится Заря
Мы свободе откроем объятья
И воскреснет Земля без дворян и царя
И вздохнём вольной грудью мы, братья.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00264).

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 164.
- 2 См.: В. М. Чернов : человек и политик. Материалы к биографии / под ред. А. И. Авруса ; авт. биогр. очерка, библиогр. указ. и коммент. А. П. Новиков. Саратов, 2004. С. 316 ; Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 376.
- 3 См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских

- писателей, учёных и общественных деятелей : в 4 т. М., 1958. Т. 3. С. 265.
- ⁴ Именной и системный указатель за 1921–1925 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1928. С. 32.
- ⁵ См.: Фигнер В. После Шлиссельбурга // Избранные произведения : в 3 т. Том третий. М., 1933. С. 209.
- ⁶ См.: Падение царского режима : в 7 т. Т. 6. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства) – Допрос А. А. Рейнбота (Резвого), 17 июля 1917 г. / автор (ред.) П. Е. Щёголев (1877–1931). М. ; Л., 1926. С. 124.
- ⁷ См.: Фигнер В. Указ. соч. С. 210.
- ⁸ Скульский А. В Бутырках // Каторга и ссылка : К истории революционного движения в России : сб. / под ред. Л. Бермана, Б. Лагунова, С. Ушеровича. Киев, 1924. С. 90.
- ⁹ Фигнер В. Указ. соч. С. 209–210.
- ¹⁰ Там же. С. 210.
- ¹¹ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина. 11–18 июля 1907 г. [Б.м.] С. 95.
- ¹² См.: Фигнер В. Указ. соч. С. 211.
- ¹³ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина... С. 18–29.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Там же. С. 39–51.
- ¹⁶ Там же. С. 81.
- ¹⁷ Там же. С. 110–111.
- ¹⁸ Там же. С. 112–120.
- ¹⁹ Там же. С. 113–118.
- ²⁰ Там же. С. 102.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 106.
- ²³ Литературное наследство : в 104 т. Т. 90. У Толстого. 1904–1910 : «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого : в 5 кн. Кн. 5. Указатели к кн. 1–4. М., 1981. С. 27.
- ²⁴ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина. С. 99–100.
- ²⁵ Там же. С. 104.
- ²⁶ Литературное наследство. Т. 90, кн. 3 : 1908–1909. М., 1979. С. 87.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: Мережковский Д. С. Бес или бог? // Мережковский Д. С. В тихом омуте. СПб., 1908.
- ²⁹ Там же. С. 224.
- ³⁰ Там же. С. 230.
- ³¹ Там же. С. 236.
- ³² См.: Философов Д. В. Рассказ о семи повешенных // Московский еженедельник. 1908. Июнь, № 23. С. 54–57.
- ³³ Там же. С. 54.
- ³⁴ Там же. С. 52–54.
- ³⁵ См.: Розанов В. В. Сантиментализм и притворство как двигатели революции. Впервые опубликовано : Новое время. 1909. 17 июля, № 11977. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_santimentalizm_i_pritvorstvo.html (дата обращения: 31.10.2016).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Памяти Фрумкиной и Бердягина... С. 75.
- ³⁸ См.: Бердягин М. «Братья, братья, неужели»... // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1921. № 1. С. 62–63.
- ³⁹ Стихотворения Максима Бердягина (Эмбъ) приводятся по: ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–3. Текст приведен в соответствие с современной орфографией, а пунктуация оставлена авторская.

Образец для цитирования:

Голосеева А. А. «Ave, revolutio»: судьба Максима Бердягина – эсера, поэта, самоубийцы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 35–41. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41.

Cite this article as:

Goloseyeva A. A. «Ave, Revolutio»: the Fate of Maxim Berdyagin – SRs, Poet, Suicider. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 35–41 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41.